

УДК 821.161.1

Сон как духовный катарсис в повести Л. Бородина «Ловушка для Адама»

Аванесян Инна Борисовна

Старший преподаватель,
кафедра культуры русской речи,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355009, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: Avanesyan-inna@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены проблемы интерпретации онирической темы в современной русской литературе. Актуальность исследования заключается в обращении к одной из главных проблем современного литературного процесса – изображению человека в его стремлении к духовному просветлению и попытке рассмотрения этой проблемы через анализ бессознательной стороны человеческой природы. Специфика статьи заключается в предложенной автором статьи религиозно-философской концепции сновидений в творчестве Л. Бородина и в сравнительно-историческом анализе идейно-философской доминанты творчества вышеупомянутого писателя и неомифологизма Ф.М. Достоевского. На основе проведенного исследования был сделан следующий вывод: структуру повести Л. Бородина «Ловушка для Адама», как и романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», формирует сновиденческая мифология, которая упирается в религиозно-мистические представления писателя. В процессе подробного анализа произведения Л. Бородина был выделен особый тип сна – сон-прозрение, духовно-эмоциональным результатом которого становится катарсис.

Для цитирования в научных исследованиях

Аванесян И.Б. Сон как духовный катарсис в повести Л. Бородина «Ловушка для Адама» // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 2А. С. 13-21.

Ключевые слова

Катарсис, сон-прозрение, онирическая тема, семантическая доминанта, бессознательное, духовное обновление.

Введение

Тема сновидений в художественной литературе лишь на первый взгляд кажется необычной и экстравагантной, на самом же деле эта тема достаточно укоренена в русской литературе и берет свое начало еще в фольклоре и древнерусской литературе (сон князя Святослава в «Слове о Полку Игореве», сны протопopa Аввакума и др.). К постижению христианских истин, проблем добра и зла, мировой гармонии, духовного обновления многие герои русской классики приходят в процессе размышлений над тайнами ведений и явлений в своих сновидениях. В таких произведениях, как «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Обломов» И.А. Гончарова, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, сны занимают центральное место и имеют важную художественную и идейно-философскую значимость.

По мере развития литературного процесса тема сновидений приобретала разную композиционную и идейную значимость. В русской литературе допушкинской эпохи существовала традиция использования снов как художественного приема, но значение у них были достаточно узкое – предвещание, предупреждение. В эпоху романтизма сны начинают усложняться, происходит ориентация на внутреннее, здесь сны – это уже некий способ воздействия на читателя, создание атмосферы таинственного, загадочного. По мере развития реализма во снах появляется психологический подтекст. Они становятся более правдивыми, цельными, становятся узлом сюжета.

М.И. Воропанова отмечает, что в творчестве А.С. Пушкина можно выделить три типа сновидений, от которых расходятся три линии использования этого мотива в русской литературе: сон Татьяны в «Евгении Онегине»; сон Германа в повести «Пиковая дама»; сон Гринёва в повести «Капитанская дочка». От последнего берет свое начало мотив сна в творчестве Ф.М. Достоевского, именно здесь мы имеем дело с особым психологизмом во снах. В художественном мире Ф.М. Достоевского фигурирует большое количество снов, и эти сны выполняют разные функции в структуре произведения. Многие исследователи делали попытки классификации снов в творчестве Ф.М. Достоевского.

Исследователь Г.К. Щенников говорит о двух типах сна у Достоевского: в первом типе сна происходят чудовищные вещи, но сами образы правдоподобны; второй тип – сказочные картины, за которыми скрывается реальность.

Р.Г. Назиров предлагает проводить классификацию снов Достоевского исходя из их функции в произведении. Так, исследователь выделяет следующие разновидности снов: «иллюстрационно-психологический (характеристика души человека)», сюжетные (новеллы, вставные эпизоды)» [Назиров, 1982, 140].

М.М. Бахтин, анализируя роль снов у Ф.М. Достоевского, утверждал: «Пожалуй, во всей европейской литературе нет писателя, в творчестве которого сны играли бы такую важную и существенную роль, как у Достоевского» [Бахтин, 1979, 360].

В дальнейшем в эпоху постмодернизма сны утрачивают романтический оттенок, который был характерен для них в Серебряном веке. Сны приобретают игровой характер, становятся равны реальной действительности, они теперь чем-то напоминают состояние навязчивого бреда или состояние духовного прозрения, в котором человеку открывается тайна мироздания (трилогия М. Быковой и Л. Телятниковой «Удача любит рыжих»).

Продолжая традицию исследования онирической темы (темы сновидений) в художественной литературе, мы сделаем попытку рассмотрения этого феномена в творчестве писателя Нового времени, а именно в творчестве Леонида Бородина.

В современном литературоведении при анализе темы сновидений обычно впадают в две крайности: либо анализируют композиционную значимость сна в произведении, либо обращают внимание на сон лишь как на способ выражения психологической характеристики героя. И в первом, и во втором случае игнорируется тот момент, что сновидения являются частью картины мира в произведении. Мы же в своем исследовании пойдем именно путем интерпретации снов через анализ картины мира в произведении и в творчестве писателя в целом. Мы попытаемся рассмотреть сон как особую художественную реальность в оппозиции «сон – явь». В культуре сон обозначается как особое пространство, в котором возможно все. Так как сон выходит за пределы нашего нормального бытия, то он связан со смертью, это некое пограничное состояние, где может произойти перерождение, инициация. В христианстве сон обладает вневременным значением, вечностью, связанной с Богом, и поэтому во сне человеку открываются истины, происходят очищение и перерождение души.

Основное же значение сна как культурного концепта кроется в его противопоставленности яви и возможности многозначной интерпретации в реальном бытии, как пишет об этом Ю.М. Лотман: «Сон – семиотическое окно», функция которого заключается в следующем: «быть резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами» [Лотман, 1992, 126].

Рассматривая бинарную оппозицию «сон – явь», следует заметить, что в культуре принято интерпретировать эти два пространства как параллельно существующие. Но на арене художественного творчества онирическое пространство может доминировать над реальным, и тогда рождается миф. В этом случае мы говорим о мифологическом типе мышления писателя. Именно с этих позиций мы рассмотрим повесть Л. Бородин «Ловушка для Адама».

Сон в повести Л. Бородин «Ловушка для Адама»

Леонид Бородин – один из современных писателей, в творчестве которого проповедуются христианские истины не через обращение к Библейским образам или Евангельской символике, а через проблемы преступления и наказания, вины и искупления, страдания и духовного возрождения (повести «Год чуда и печали», «Ловушка для Адама»). Писатель считает себя православным и проповедует христианские истины в своих произведениях, но делает это с определенной оговоркой, так как считает, что попытки осмыслить окружающий нас мир посредством художественного творчества очень рискованны.

Писатель видит в творчестве возможность расширения души человека, постижение того, что осталось не постигнутым в обычной жизни. И для того, чтобы это произошло, человеку надо дать возможность посмотреть на самого себя, поэтому писатель обращается к образу человека в своих произведениях.

Концепция человека в творчестве этого писателя зиждется на учении о двойственности человеческой природы – противостоянии духовного начала и тварного (земного) начала. На основе этого противостояния строится сюжет всех произведений Л. Бородин.

В своей статье «Христианство как философия сохранения человеческого рода», которая является ключевой в понимании всего творчества писателя, Бородин говорит о том, что только такие чувства, как вина, сочувствие, сострадание, прощение, ведут человека к вере, к Православию, только они способны освободить человека от «плена» его животной природы и наделить его Божественной Благодатью, бессмертием души.

Через призму этих религиозно-философских понятий мы обращаемся к анализу онирической темы в повести Л. Бородин «Ловушка для Адама». Для того чтобы выстроить

религиозно-мистическую концепцию сна в творчестве писателя, мы ставим следующие задачи: выявление преемственности в отражении этой темы и определение специфики идейно-философской значимости снов в контексте общего замысла произведения.

Повесть «Ловушка для Адама» является одним из загадочных произведения современной литературы: запутанный сюжет, философские размышления, прием недосказанности, мотив бегства, покаяния, преступления и многое другое. Сама повесть написана не без влияний традиций Ф.М. Достоевского. Произведение начинается с рассуждения главного героя о том, что есть правда и закон и кто имеет права переступать через них. Эти размышления приводят Адама (именно так называет себя главный герой, так как считает, что у него нет прошлого, только настоящее и будущее) к следующим выводам: человечество – «муравейник», бесправная, жалкая масса людей; только Личность способна вырваться из этого «муравейника», но только через преступление, через нарушение Закона: «Моя жизнь – это только моя и ничья больше, она у меня одна и другой не будет, и если эту мою единственную жизнь окружающее меня человечество делает несносной, я просто обязан перейти за кон¹, за черту дозволенного, которую мне почему-то определили, моего мнения при том не спросив» [Бородин, 1994, 6].

Нежелание жить в «муравейнике» и желание доказать себе и окружающим что-то приводят героя к участию в бандитской группировке. Адам сам ставит себя перед дилеммой: Кто я? Человек, живущий по законам своего безнравственного времени, стремящийся сделать свою жизнь лучше, бесстрашный и не перед чем не останавливающийся? Либо безропотный муравей? Подобное начало повести отсылает нас к рассуждениям Родиона Раскольникова и к мыслям Ф.М. Достоевского о том, что есть преступление, искупление, совесть.

Герой Л. Бородин постоянно размышляет над сущностью своей жизни, над тем, что есть правильная жизнь, как к ней прийти. В своих рассуждениях он подобен праведнику, но атмосфера бездуховного, материального окружения, которой он сам не может противостоять, накрывает его, как капкан. Вместе со своими товарищами он вынашивает план будущего преступления: весь ход мыслей героя теперь посвящен именно этому. Его обуревают диаметрально противоположные ощущения: желание и страх, стремление и сомнения. И тут в кульминационные моменты в жизнь героя врываются сны, в которые переносится вся его жизнь.

Первые сны случаются перед самым преступлением: Адаму приснилась мама с печальным лицом как знак грядущей катастрофы, как голос совести. Этот сон пробуждает в герое чувство жалости, сострадания: ему жаль мать, которая станет свидетелем его падения. Он вспоминает свое детство, роль матери, ее стремление воспитать в нем достойного человека: «Итак, было одно печальное лицо моей мамы, и оно разговаривало со мной своей печалью. Слов не было. Это потом, проснувшись, я перевел все в слова и смыслы. И потом, вернувшись в собственное “я”, разум мой ужаснулся или, точнее, сообщил ужас моим чувствам, и они затрепетали, то есть это я затрепетал, и слезы...» [Там же, 4]. В сознании героя созревает вопрос: могу ли я совершить такое? Такой ли я плохой на самом деле? Способен ли я, ребенок, воспитанный благочестивой матерью, так низко пасть? Этот сон, слезы, печаль в сердце Адама открывают ту сторону подсознания героя, которая говорит, что не способен, но натура, воспитанная безнравственным окружением, говорит диаметрально противоположное.

Подобный сон снится и Раскольникову накануне преступления: он видит во сне, как до смерти забивают лошадь. Этот сон также сопровождается слезами, ощущением ужаса, жалости, сострадания, желания остановить преступление: «Он бежит подле лошади, он забегает вперед,

¹ Автор именно так пишет это слово.

он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам. Он плачет. Сердце в нем поднимается, слезы текут. Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся в ужасе» [Достоевский, 1956, т. 2, 59].

Примечательно, что и герой Достоевского, и герой Бородина погружаются во сне в свое детство, образы родителей выходят на первый план (отец у Раскольникова, мать у Адама), это может говорить о внутренней, духовной незрелости героев. По мнению К.Г. Юнга, ребенок – это самость сновидца, которая является невероятно искренней и естественной [Юнг, 1991, 57], в христианстве образ ребенка также является символом святости и чистоты. Но, невзирая на сны и голос подсознания, Адам, как и Раскольников, не отступает от задуманного и идет на преступление. Однако довести до конца дело ему не удастся: бандитская группировка терпит поражение; оставшись в живых, Адам пускается в бег, понимая, что теперь его преследует закон, который он недавно так желал переступить. Сны его не отпускают, но теперь это сны, полные ощущения страха, стремления уйти от реальности, закрыться, скрыться. Ему снится темнота и дикое рыдание матери в пустоте, в темноте. Саму мать он не видит, он только слышит плач, от которого ему становится плохо, он пытается закрыть уши, позвать мать, но все безуспешно, создается ощущение конца света, безысходности, безнадежности ситуации. Ощущение ужаса, полного непонимания происходящего, близкое к безумию, не оставляет героя во сне: «Снилась темнота и горький, горький плач в темноте. У плача было стереофоническое звучание. Плачем заполненная темнота разрывала мои глаза» [Бородин, 1994, 43]. Этот сон снова отсылает нас ко снам Родиона Раскольникова после совершенного преступления: сон об Илье Петровиче и хозяйке, сон о смеющейся старухе. В этих снах воплощается страх Раскольникова, что его разоблачат и арестуют: «Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его» [Достоевский, 1956, т. 2, 115]. Сны Раскольникова также полны жуткими звуками. Ему снится, что Илья Петрович избивает его хозяйку: «Она выла, визжала и причитала, таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побоев и ругательств он никогда еще не слышал и не видывал» [Там же, 239].

Отличительной особенностью темы сновидений у Л. Бородина, как и у Ф.М. Достоевского, становится психоанализ, которому подвергает свои сны герой. После каждого сна Адам пытается понять, к чему эти сны, возвращается к своим поступкам, анализирует свою жизнь через призму снов, воспринимает их как знаки судьбы, знаки из мира Иного, призывы к праведной жизни, о которой он впоследствии начинает говорить. Ю.М. Лотман утверждал, что сон «говорит с человеком на языке, понимание которого принципиально требует присутствия переводчика» [Лотман, 1992, 256]. В повести этим переводчиком становится сам сновидец, поэтому в контексте христианского видения мира писателем мы можем утверждать, что сны в «Ловушке для Адама» носят не только психологический характер, но и прозренческий, это сны-прозрения. Синонимами подсознательного здесь становятся «совесть» и «сердце», те чувства и этические стремления, которые человек намеренно подавлял, вытесняя в подсознание. Бессознательное выступает хранилищем нравственных постулатов, принципов, которые выплескиваются вовне только через сон. Подобная характеристика сновидений встречается в творчестве Ф.М. Достоевского: «...у Достоевского подсознательное – это, как правило, тюрьма для угрызения совести. В сновидениях его героев вырываются из этой тюрьмы совесть и страх» [Назирова, 1982, 139].

Одним из главных средств психологического анализа у Л. Бородина является изображение снов. Во всех снах семантической доминантой становится образ матери, ее чувства, эмоции, выражение лица. Этот образ становится катализатором духовного катарсиса, который переживает герой от одного сна к другому. С каждым сном душа героя все больше очищается,

испытывая высшее напряжение в своих страданиях (если вначале это свет и плач, то в последних снах темнота и рев). Примечательно, что страдает герой до последнего момента только во снах. И только в последнем сюжете чувство страдания становится атрибутом жизни наяву и знаком наступившего очищения. Катарсис становится высшим духовно-эмоциональным результатом сновиденческих переживаний. Когда духовные переживания переносятся из снов в реальность, душа героя требует новой жизни, о которой он сам говорит и к которой он будет стремиться. Следует отметить, что осмысление сновидений у Л. Бородин противоречит теории З. Фрейда, который считал, что в подсознании обычно откладываются отрицательные моменты, гнев, комплексы, аморальные импульсы. В противовес этой теории, Л. Бородин характеризует бессознательное как сгусток гуманных устремлений и светлую сторону человеческой природы. Писатель утверждает: что бы ни делал человек, его всегда преследуют чувство вины и стремление к наказанию.

Сны доминируют над реальной жизнью героя, они являются не способом уйти от реальности, а, наоборот, средством осмысления и постижения этого мира. Во снах обнажаются истинные мотивы действий и поступков героев, в них обнажается совесть. Если наяву человек поддается самообману, то во сне подсознание выдает все, что вытеснило самосознание. Вот как об этом пишет Ф.М. Достоевский: «Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце. ...перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка и останавливаешься на точках, о которых грежит сердце» [Достоевский, 1956, т. 2, 420].

Сны управляют жизнью героя и становятся двигателем сюжета и толчком к раскрытию идейного замысла: через сны Л. Бородин возрождает своего героя, заблудившегося в мире своих теорий о человечестве. Сон Адама – это некий протест, бунт против материального разума, заблудившегося в современной действительности. Обращает на себя внимание частое употребление в повести слова «ужас», которое произносит сам герой. Это говорит о том, что есть в Адаме внутренняя сакральная граница дозволенного, через которую он не может переступить. Обусловленное внешними причинами сновидение выплескивает вовне внутреннюю, амбивалентную борьбу героя. Именно такую мощь нашего подсознания и его доминирующую роль имел в виду П.А. Флоренский, утверждая: «Отрицать существование странного, непонятного нам до сей поры особого мира явлений, поражающих иной раз наши уши, иной раз глаза, нет никакой возможности, и поверьте, что страх и ужас нашего земного организма только внешнее выражение тех страданий, которым подвергается живущий в нем дух под гнетом этих явлений» [Флоренский, 1999, 37].

Сны – ключ к разгадке всего произведения, и поэтому мы можем сказать, что перед нами не просто повесть, а повесть-сон. О таком типе жанра говорил М.М. Бахтин, анализируя романы Ф.М. Достоевского: «Если в ранних произведениях сны являются лишь одним из элементов структуры произведения, то начиная с “Преступления и наказания” сновиденческая мифология полностью формирует структуру романов, которые в жанровом плане становятся романами-снами» [Бахтин, 1979, 226].

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что в повести Л. Бородин доминирует кризисная вариация сна, которая приводит к перелому во внутренней и внешней жизни человека и к его духовному возрождению. Для Адама сны – это мост между миром реальным и миром иным, в данном случае сон выступает в качестве символа, символа – границы двух миров. Именно такую трактовку снов предлагает П.А. Флоренский в своих сочинениях: сон – низший

символ, богослужение – высший символ. «Само состояние сна, согласно Флоренскому, есть “опыт жизни” души в ином мире, из которого с пробуждением он возвращается в реальный (видимый) мир» [Столярова, 2011, 361]. В жизни героя повести Л. Бородина действительные события воспринимаются по двум сознаниям – в дневном и ночном. С одной стороны, дневные переживания становятся предвестниками сновидений, с другой стороны, как пишет Флоренский, «оно (сновидение) – почти чистый смысл, заключенный в оболочку тончайшую, и потому почти всецело оно есть явление иного мира, того мира. Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горных, границы утончения здешнего и оплотнения – тамошнего» [Флоренский, 1999, 20].

И поэтому мы можем говорить о том, что сновидения становятся главным источником поэтического вдохновения Адама. Это импульс к жизнетворчеству героя, сны становятся тайными причинами событий. Для чего писателю подобный мистицизм? Для того, чтобы его герой сам пришел к необходимости этики. Л. Бородин сам дискредитирует в глаза героя его надуманное жизнетворчество, он предлагает самому герою построить мир, в котором тот не сможет жить. Пусть разовьет свою иллюзию до предела, в порывах убежать от собственной несостоятельности и ненароком придет к необходимости этики – именно таков подтекст той инициативы, которую автор передает герою. Еще одним немаловажным моментом является то, что сны в «Ловушке для Адама» соединяют прошлое (от которого так бежит герой) и будущее в актуальный момент и предопределяют судьбу героя.

Заключение

Таким образом, тема сновидений в творчестве Л. Бородина раскрывается через общую проблематику творчества писателя – проблему духовного Воскрешения, обновления, искупления и страдания, которая вписывается в авторскую Православную картину мира. Подобная религиозно-мистическая трактовка сновидений позволяет нам говорить о преемственности традиций Ф.М. Достоевского в творчестве современного писателя. В произведении Л. Бородин мы сталкиваемся с таким типом сна, как сон-прозрение, духовно-эмоциональным результатом которого становится катарсис.

Библиография

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1979. 424 с.
2. Бородин Л. Ловушка для Адама // Юность. 1994. № 9. С. 4-53.
3. Достоевский Ф.М. Повести и рассказы: в 2 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 2. 584 с.
4. Ершенко Ю.О. Поэтика сна в творчестве А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 204 с.
5. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству. М.: ББИ, 2013. 162 с.
6. Кондратьев Б.С. Мифопоэтика снов в творчестве Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Арзамас, 2002. 41 с.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 272 с.
8. Мескин В.А., Ратников В.В. Об интертекстуальных и межтекстуальных связях в творчестве А. Варламова // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 4. С. 5-13.
9. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов: Саратовский университет, 1982. 160 с.
10. Нечаенко Д.А. Художественная природа литературных сновидений. Алматы: Жаздши, 2013. 520 с.
11. Столярова Е.А. «Мистика» сна в размышлениях П.А. Флоренского // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2. С. 360-364.
12. Уильямс Р. Достоевский. Язык, вера, повествование. М.: РОССПЭН, 2013. 195 с.
13. Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиций). М.: Intrada, 2013. 196 с.
14. Флоренский П.А. У водораздела мысли. М.: Мысль, 1999.

15. Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 350 с.
16. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 304 с.

The dream as a spiritual catharsis in L. Borodin's story "A Trap for Adam"

Inna B. Avanesyan

Senior Lecturer,
Department of Russian speech culture,
North Caucasus Federal University,
355009, 1 Pushkina st., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: Avanesyan-inna@mail.ru

Abstract

This article aims to identify the problems of interpretation of the oniric theme in modern Russian literature. The relevance of the study consists in addressing one of the main problems of the modern literary process – the image of man in his quest for spiritual enlightenment and an attempt to consider this problem through the analysis of the unconscious side of human nature. The specificity of the article lies in the religious and philosophical concept of dreams in creative works by L. Borodin, proposed by the author of the article, and the comparative historical analysis of the ideological and philosophical dominant of the creativity of the writer and the neomythologism of F.M. Dostoevsky. The author uses the results of the research to make the following conclusion: the structure of L. Borodin's story "A Trap for Adam", as well as F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" is formed by dream mythology, which rests on the religious and mystical representations of the writer. The author of the article points out that the detailed analysis of L. Borodin's story "A Trap for Adam" reveals that there exists a special type of dreams – a dream-epiphany, the spiritual and emotional result of which is called catharsis.

For citation

Avanesyan I.B. (2018) Son kak dukhovnyi katarsis v povesti L. Borodina "Lovushka dlya Adama" [The dream as a spiritual catharsis in L. Borodin's story "A Trap for Adam"]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), pp. 13-21.

Keywords

Catharsis, dream-epiphany, oniric theme, semantic dominant, the unconscious, spiritual renewal.

References

1. Bakhtin M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
2. Borodin L. (1994) Lovushka dlya Adama [A trap for Adam]. *Yunost'* [Youth], 9, pp. 4-53.
3. Dostoevskii F.M. (1956) *Povesti i rasskazy: v 2 t.* [Narratives and stories: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
4. Ershenko Yu.O. (2006) *Poetika sna v tvorchestve A.S. Pushkina. Doct. Diss.* [The poetics of dreams in the works by A.S. Pushkin. Doct. Diss.]. Moscow.

5. Fedunina O.V. (2013) *Poetika sna (russkii roman pervoi treti XX v. v kontekste traditsii)* [The poetics of dreams (the Russian novel of the first third of the 20th century in the context of traditions)]. Moscow: Intrada Publ.
6. Florenskii P.A. (1999) *U vodorazдела mysli* [At the watershed of thought]. Moscow: Mysl' Publ.
7. Girard R. (1963) *Dostoïevski, du double à l'unité*. Paris: Plon. (Russ. ed.: Girard R. (2013) *Dostoevskii: ot dvoistvennosti k edinstvu*. Moscow: BBI Publ.)
8. Jung C.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetypes and symbols]. Moscow.
9. Kondrat'ev B.S. (2002) *Mifopoetika snov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Doct. Diss. Abstract* [The mythopoetics of dreams in the works by F.M. Dostoevsky. Doct. Diss. Abstract]. Arzamas.
10. Lotman Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Progress Publ.
11. Meskin V.A., Ratnikov V.V. (2013) Ob intertekstual'nykh i mezhtekstual'nykh svyazyakh v tvorchestve A. Varlamova [On intertextual and cross-textual relations in the works by A. Varlamov]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia], 4, pp. 5-13.
12. Nazirov R.G. (1982) *Tvorcheskie printsipy F.M. Dostoevskogo* [Creative principles of F.M. Dostoevsky]. Saratov: Saratov University.
13. Nechaenko D.A. (2013) *Khudozhestvennaya priroda literaturnykh snovidenii* [The artistic nature of literary dreams]. Almaty: Zhazdshi Publ.
14. Shchennikov G.K. (1987) *Dostoevskii i russkii realizm* [Dostoevsky and Russian realism]. Sverdlovsk: Ural University.
15. Stolyarova E.A. (2011) "Mistika" sna v razmyshleniyakh P.A. Florenskogo [The "mysticism" of dreams in the thoughts of P.A. Florensky]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of Moscow State Technical University], 14 (2), pp. 360-364.
16. Williams R. (2011) *Dostoevsky: language, faith, and fiction*. Baylor University Press. (Russ. ed.: Williams R. (2013) *Dostoevskii. Yazyk, vera, povestvovanie*. Moscow: ROSSPEN Publ.)